

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI 10.18101/2686-7095-2022-2-22-32

**КОМПЛЕКСНОЕ ОПИСАНИЕ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ
КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ
В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ**

© **Каксин Андрей Данилович**

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
Россия, 655017, г. Абакан, ул. Ленина, 90
adkaksin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки для сохранения языкового разнообразия в Сибири. Кроме наличия ясной языковой политики, нацеленности государственных органов на решение языковых проблем, поддержания процесса подготовки педагогических кадров, издания словарей и учебных пособий постулируется существование такой важной предпосылки, как разностороннее и всеобъемлющее лингвистическое описание всех языковых образований, распространенных на территории Сибири. На примере койбальского говора хакасского языка, шорского и сойотского языков рассматриваются возможности, некоторые аспекты и детали такого описания. В числе приоритетных называется интерес к тому, какие изменения и в силу каких причин произошли и происходят в современных языках исследуемой группы. Указывается на необходимость подготовки перечня недостаточно подробно описанных в научной литературе языков и диалектов Сибирского региона.

Ключевые слова: развитие языков, исчезающие языки, лингвистическое описание, языки коренных народов Сибири, тюркские языки Южной Сибири.

Для цитирования

Каксин А. Д. Комплексное описание исчезающих языков как предпосылка для сохранения языкового разнообразия в Сибирском регионе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 2. С. 22–32.

В последние десятилетия российская лингвистика отличалась повышенным интересом к языкам коренных народов Сибири. Особенно привлекательны те работы, в которых это понятие наполняется более широким смыслом: по ряду типологических и социолингвистических критериев к языкам коренных народов Сибири причисляются и языки малочисленных народов Дальнего Востока [14, с. 41–51]. Много внимания уделяют языковой стороне вопроса этнологи, антропологи и социологи, когда рассматривают традиционные культуры [3, с. 81–82; 4, с. 71–79; 8, с. 197–249; 9, с. 136–141; 11, с. 101–115]. Важной теоретической предпосылкой служат положения выдающихся языковедов о соотношении языка и речи, основах письма, роли этнического самосознания [6, с. 16–20; 7, с. 21–23; 15, с. 94–121]. Также и в будущем языкам коренных народов России будет уделено должное внимание: будет принята государственная программа сохранения языкового разнообразия [5, с. 20–27].

Несмотря на присутствие социологической составляющей, в работах большинства российских ученых, рассматривающих данную тему, очевиден уклон в

собственно лингвистику, т. е. стремление полно, всесторонне описать тот или иной язык (или диалект). В нашей последней работе подобного плана мы объединили усилия с коллегами из Новосибирска и Улан-Удэ (Н. С. Уртегешев, Б. Д. Цыренов, И. В. Рассадин), чтобы разносторонне описать ряд тюркских языков, диалектов и говоров Южной Сибири. Из числа языков малочисленных народов исследованием были охвачены шорский язык, койбальский говор хакасского языка, язык сойотов Бурятии. Главной целью подобных исследований является получение нового знания об исчезающих идиомах сибирского ареала: их языковой специфике и функционировании в современных условиях.

Необходимость разностороннего описания языков и диалектов Сибири определяется, безусловно, тем обстоятельством, что многие из них стоят на грани исчезновения, не будучи детально описанными (особенно по линии семантики). Необходимость комплексного подхода к описанию исчезающих языков и диалектов заложена и в нашем понимании языковой 'идиомы'. Используя этот термин, мы подчеркиваем следующие основные черты указанных языковых образований: замкнутость в определенных территориальных рамках, консервация достигнутой стадии внутреннего развития (при отсутствии явных признаков дальнейшего развития/прогресса), предельное ограничение функций (сфер функционирования). В понятие 'идиома' вкладывается также следующее содержание: с собственно лингвистической точки зрения данные языки и диалекты представляются чрезвычайно интересными, внутренне цельными, сохраняющими типичные черты языков уральской (или алтайской, или др.) семьи и языков агглютинативных (или др. типологии). Такой подход позволяет выявить и описать характерные признаки искомым языкам и диалектам, а также специфику социолингвистической ситуации в каждом отдельном случае. При этом не остаются в стороне интересные, но малоизученные фрагменты языковых систем: образование числительных, категория одушевленности — неодушевленности, специальное обозначение очевидности или неочевидности действия, табу и эвфемизмы, образные слова, специфические метафоры [1, с. 57–75; 2, с. 52–68; 10, с. 182–185; 12, с. 333–336; 13, с. 98–99; 16, с. 212–226; 17, с. 47–60].

Получаемые при этом результаты служат наглядными примерами и убедительными аргументами в дискуссии в медийном пространстве о положении языков коренных народов Сибири, их сохранении и дальнейшем изучении. Ниже охарактеризуем некоторые примечательные стороны проведенного исследования.

1. Его результаты в основном коррелируют с положениями (выводами) отечественных и зарубежных лингвистов и этнологов, занимающихся вопросами связи языка и культуры. Особенность проекта заключается в том, что в нем преобладает лингвистический подход. В собственно лингвистической части результаты исследования сводятся к следующему: участники группы нашли новые аспекты изучения живой звучащей речи (на самом деле еще не познанные до конца объективные свойства человеческой речи), а значит, соответственно, языков. Одним из этих свойств и является способность закреплять (консервировать) и транслировать в потоке речи перманентные, оформленные смысловые единицы как результат когнитивной (познавательной) деятельности.

2. Определено, что в любом языке всегда сохраняются базовые принципы и способы категоризации окружающего мира. В этом смысле метафора (см., напр., работы Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Л. Талми, Н. Н. Болдырева, М. А. Кронгауза и др.) не является вершиной, заключительным звеном в развитии семантической сферы языка, она возникает на определенном этапе. Изучая связи между языковыми явлениями и особенностями культуры, мы обнаружили в искомым языках, конечно, и многочисленные примеры метафоризации. Но наряду с ними нами отмечены иные способы вторичной номинации (появление новых эпитетов, усложнение валентности, трансформация моделей сравнения), которые, как мы считаем, предшествуют метафорическому осмыслению и/или конкурируют с ним.

3. Исследователи экзотических языков ставят, безусловно, разные задачи: постигать традиционную культуру через язык (Хойджер, Ли, Клакхон и др., представители французской этносемантики) или изучать языковые сообщения в контексте культуры (польские лингвисты, этнография речи Хаймза, folklinguistics Хёнигсвальда). При этом, на наш взгляд, многие исследователи развивают одно из действительно рациональных зерен гипотезы Сепира-Уорфа: два языка различаются еще и потому, что порождены разными мирами, людьми, живущими в разной действительности. Таким образом, существует умеренная версия этого воззрения. К ней можно отнести самого Сепира и большинство позднейших приверженцев данного направления, принимавших тезис о языке как путеводителе в «социальной действительности». Язык понимается ими как наиболее красноречивая иллюстрация того, каким образом определенная система форм, особенно грамматических, детерминирует способы постижения природного и социального мира, тип человеческого мышления. Следуя этим путем, можно стараться найти параллели в оформлении мыслительных процессов носителей аборигенной культуры и определенных систем в рамках используемого ими языка, а затем отражение обнаруженных способов концептуализации мира в культурно значимой деятельности. Итогом должно быть описание обусловленного характером языка «образа» данной культуры и отдельных ее сфер. Нами предложен вариант (фрагмент) именно такого описания.

4. Многие значительные достижения современной лингвистики опираются на идеи, предложенные У. Гуденафом, Ф. Лонсбери, К. Пайком, М. Харрисом, Н. И. Толстым, Ю. С. Степановым. Эти и другие авторы исследуют проблему с разных сторон. Одни связывают моральные понятия с онтологическими понятиями, другие — изучают синкретичное мировоззрение людей древних цивилизаций и традиционных культур, третьи — обращаются к этимологическим значениям исходных понятий, прослеживают изменение значений слов, трансформацию смыслов. Наш проект связан с последним из названных направлений: мы выясняем способы и результаты движения (в языке, внутри языка) к установлению того или иного соотношения семантики с действительностью. Мы разделяем тот взгляд, что язык есть компрессированное знание о мире. Потому мы изучали лексику искомым языков как естественный способ категоризации, описывали некоторые семантические и грамматические категории, средства репрезентации ядерных концептов, вырабатывали положения о специфике лексики обыденного общения, обусловленности ряда метафор образом жизни, консерва-

тизме опорных языковых значений («ключевых слов & стоящих за ними смыслов»). Именно в таком духе мы подошли к анализу современного положения/состояния малоизученных в данной парадигме идиом — койбальского говора хакасского языка, шорского языка, языка сойотов. На материале названных языков мы исследовали принципы языковой категоризации и таксономии, понятийные структуры и их языковые соответствия, отдельные языковые явления.

5. Рассматривались нами и модели языкового поведения названных этнических групп в коммуникативном пространстве региона (включая этнические стереотипы, влияющие на модель языкового поведения). В этом плане мы разделяем суждения финских этнологов и демографов о специфике понятия "второй язык" в России и том выборе "основного языка", который делают представители молодого поколения в национальных автономиях России. "Выбор, очевидно, зависит в основном от царящей в окружающем обществе этнопсихологической обстановки; более того, он чаще всего осуществляется в соответствии с языком внутрисемейного общения" [8, с. 277].

6. Исследование моделей образа мира, проявляющихся в сознании и языке, позволяет выявить и описать важные характеристики этнической специфики (идентичности и ментальности). Сравнительный анализ подтверждает, что основным способом образования новых лексем в позднюю эпоху развития языка становится развитие многозначности. В предшествующие эпохи аутентичными звуковыми оболочками, в первоначальной их ипостаси, обозначены не все виды человеческой деятельности, не все объекты живого и вещного мира, окружающего человека. И потому язык постоянно совершенствуется, в нем постепенно, но неуклонно ширится формальное & семантическое разнообразие. При этом большинство первоначальных и предшествующих основ и корней остается базой этого процесса. Подобные умозаключения содержатся в работах отечественных и зарубежных лингвистов и этнологов (небольшой их список приводится ниже). На некоторые из них мы ссылались, в целом поддерживаем эти трактовки (при этом, разумеется, стремились выработать свои формулировки).

7. Разработана в главных чертах концепция сочетания лингвокогнитивных, психолингвистических и коммуникативных основ моделирования этнического образа мира. В работах, выполненных на материале койбальского говора хакасского языка, показана обусловленность его общего строя и отдельных явлений спецификой исторического развития и образом жизни людей на данной территории. Выявлена роль этнического самосознания при постулировании особого характера данного языкового образования. В высказываниях современных носителей данного говора не только употребительны сохранившиеся с далекой эпохи слова (*сысте* 'мороз', *ур* 'нарост', *ай* 'маленький' и др.), но и совершенно явно 'свой' (т. е. койбалы) отделяются от соседей. Другими словами, речевые образцы свидетельствуют, что в койбальском говоре до сего дня присутствуют формы, модели и интонации речи, сохранившие образ жизни далеких предков, обитавших в тайге: привязка к устойчивым ориентирам, спокойствие и созерцательность, коллективные формы работы и владения собственностью, равенство родовых объединений, ровные, дружелюбные отношения между родами.

В современном койбальском говоре выявлено около 50 слов самодийского происхождения (в XIX в. их насчитывали до 600). К примеру, наличествующее в

койбальском говоре слово *ai* 'дверь' может быть сопоставлено со словами уральских (финно-угорских и самодийских) языков, коль скоро идет речь о субстрате. Это сопоставление дает не только компаративистский результат (возможно возведение к древнему слову со значением 'прикрывать', рефлексам которого являются слова современных языков: финское *ovi* 'дверь', хантыйское *ov* 'дверь' и *ovi* 'качаться'), но и пищу для размышлений в области лексической типологии и когнитивистики: при таком подходе устанавливается существовавший в древних языках способ словообразования — модификация значения путем отождествления качества человека и признака предмета.

8. В искомым языковых образованиях выявлены также яркие, показательные образцы явлений когнитивного/прагматического порядка. К примеру, в койбальском говоре хакасского языка отмечено частое применение нарочито грубых оборотов в серьезных, иногда и трагических, ситуациях, в рассуждениях о «высоких материях»: *Инэк сазын, мал азыризын, хайах пулгизын, хурут идэзін, чайгыда идэр нимэ тавылвичаваза — Доить коров, кормить скот, взбивать масло, делать хурут — разве не находится летом что делать (своеобразная отповедь лентяям и бездельникам); Оврасты тунуре сал салтыр, ам чохтафча: «Ам соксагы хайыл парар» — На поминках совершенно не плачет, говорит: «Тело и кости сгниют (букв. растают)» (о бренности, о преходящей жизни); Ат олзе, изері халар — Конь сдох, седло остается (о том, что ничто не исчезает бесследно).*

В ситуации с шорским языком более предпочтителен избирательный, сравнительный подход. Дело в том, что шорский — конечно, миноритарный язык, но его трудно подвести под понятие 'идиома'. Поэтому материал шорского языка может быть привлечен для демонстрации черт, свойств хрестоматийного языка в отличие от признаков идиомы. О миноритарном характере шорского языка Н. С. Уртегешев в своем отчете пишет так: «Носители шорского языка хорошо знают и помнят бытовую лексику, что касается названий трав, деревьев, животных, это вызывает затруднение даже у пожилых людей сельской местности. Тонкости языка, устойчивые обороты знают единицы. Иногда люди, полагающие себя знатоками языка, путают грамматические формы. Учитывая тот факт, что в 1941 г. было прервано обучение шорского языка в школах, не выработалось единых норм произношения, т. е. литературной нормы. Знающие шорский язык люди говорят на своих говорах, подговорах или даже проявляют в речи специфику конкретной деревни. При этом считают, что только они говорят на настоящем шорском языке, а остальные нет. Процесс потери шорцами этнического языка идет семимильными шагами, несмотря на преподавание и поддержку со стороны государства. Телевидение и интернет вносят свою лепту в процесс утраты языка народом».

Таким образом, в устной форме шорский язык постепенно выходит из широкого оборота, но он достаточно хорошо документирован: в словарях, учебниках, в художественных произведениях на шорском языке достаточно примеров, и можно вывести новое знание о понятийных и скрытых категориях, о необычных приемах метафоризации и т. п. Для этого необходимо задействовать методы семантического анализа, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. К примеру, удачно примененный семасиологический подход приводит к объяснению связи между лексическими единицами шорского языка *тун* 'ночь' — *тундук* 'ды-

мовое отверстие в юрте', *туш* 'полдень' — *туштук* 'привал, отдых в пути'. Контекстуальный анализ поможет объяснить механизм употребления лично-притяжательных суффиксов в ситуациях соотнесенности с явлениями, которые в принципе не могут принадлежать человеку (в этих случаях суффиксы имеют другое предназначение).

9. Этимологический анализ, основанный на этнографическом знании, часто необходим для объяснения внутренней формы слова, мотива его образования. В этом отношении большая работа проделана И. В. Рассадиным, собравшим и проанализировавшим большое число этнографизмов в сойотском языке. К примеру, в его отчете приводятся слова, связанные с отгонным скотоводством: «Бык-кастрат назывался *зари* и использовался для езды верхом и перевозки грузов во вьюках. Вьюк (*ашаан*) состоял из двух переметных сум (*уу-та*), связанных вместе специальным ремнем *тээнээ*. Вьюк располагался по обеим сторонам животного и укреплялся при помощи особой подпруги *туртаг* (по-сойотски *тыртыг*). Верховой олень называется *унаха зари*, *са-гааунаа*; вьючный — *ход* или *ход саган*». Автор констатирует: безусловно, в этом лексическом слое отчетливо обнаруживается монгольское влияние. Но есть иные случаи. Например, рассказывая об охотничьем промысле, И. В. Рассадин в отчете пишет: «По свидетельству стариков, в прошлом они широко пользовались различными петлями (*тузак*) для добывания мелких зверей и птиц». В данном случае этимологический анализ и метод реконструкции позволяют выдвинуть версию о самодийском происхождении слова *тузак* (в данной интерпретации древний корень способствует появлению и другого слова — *тынзян* 'лассо').

Большая работа по изучению сойотского языка в лексико-семантическом отношении проделана Б. Д. Цыреновым, в его отчете описаны основные группы слов, обозначающих реалии окружающего мира, виды хозяйственной деятельности человека, а также направления заимствований. В частности, о самых значимых заимствованиях Б. Д. Цыренов пишет так: «Путем сплошной выборки мы выделили 431 слово. Они, на первый взгляд, кажутся полностью заимствованными из бурятского и монгольского языков, но в результате дальнейшего анализа выясняется, что некоторые из них имеют явственные тюркские и пратюркские корни. Это касается животноводческой/скотоводческой лексики, которая, как нам кажется, находилась в пассивном запасе или была забыта, поскольку сойоты вели оленеводческо-охотничье хозяйство. Кроме того, в данных словарях зафиксировано 67 русизмов, которые обозначают в своем большинстве реалии современного мира: техника, строительство и т. д.».

10. В рамках работы по проекту разработана также концепция диалектического сосуществования в коммуникативном пространстве устойчивых и развивающихся элементов когнитивной сферы языка (применительно к слову как центральной единице — указано на обычность постепенной репрезентации его когнитивного потенциала). Вот, к примеру, высказывания носителей койбальского говора хакасского языка. Отчетливо видно, что некоторые слова (типа *тун* 'праздник') с течением времени наполняются новым смыслом. Часто новое (или дополнительное) содержание получают глагольные слова (поскольку появляются новые инструменты, видоизменяются материалы и способы его обработки и т. п.): *Тун идэгэ айран итчала* 'Чтобы провести праздник, готовят айран'; *Огазах*

итсэң, пічрöні, чaxсы ноза 'Хорошо, если пичре сделать мелким'; *Сүзүңүн агыс пинчазың, хапчыгай хурудувысчазың* 'Быстро просушиваешь, не даешь стечь соку' и других. Тюркский синтаксис (в отношении таких конструкций) имеет некоторую специфику: поскольку в тюркских языках безличные глаголы отсутствуют как класс, значительной части русских безличных предложений соответствуют в тюркских языках личные предложения. Важно и то, что сказуемые безличных предложений в тюркских языках могут быть выражены не только глаголами, но и другими частями речи, например, именами прилагательными.

Одновременно можно отметить характерное для таких текстов превалирование глаголов с определенным лексическим значением (и наделенных соответствующими словообразовательными суффиксами): "наделять признаком, обозначенным исходной основой" (типа *оохта* 'размельчать', *арыгла* 'очищать'), 'снабжать тем, что обозначает исходная основа' (типа *туста* 'солить') и др. Много интересного можно отметить и в плане выражения моделей мировидения. Все народы с должным вниманием, очень серьезно подходят к процессам приготовления и приема пищи. Основой для приготовления пищи у тюрков Южной Сибири служат в основном мясные и молочные продукты. Процесс изготовления в большинстве своем прост, но на сторонний взгляд — специфичен. Все блюда, получаемые в результате действий с названными начальными ингредиентами, имеют оригинальные названия: *аарчы, абыртхы, айран, ирмек, пахта, поорсах, соймах, узанах, хаймах, хурут, хыйма, хычы* и т. д. Такого рода наблюдения позволяют сделать вывод: именно в языке сосредоточено представление народа об окружающем мире, о человеке и его образе жизни.

Особенно это заметно в именной лексике, в существовании местных названий для всех предметов, используемых в быту и хозяйственной деятельности. К примеру, сойоты используют разные арканы: *урга* — аркан, прикрепленный к длинной жерди, и *салма* — аркан-лассо (используют и для ловли лошади за ногу, расстелив петлю на земле). Содержательную специфику имеют и другие лексические единицы сойотского языка: *үхэр, сарлык, хотой, хорёо, хагда, тармуур, сомоо, сагаан, эмээл, янгарцаг, эримээш, этэр чары, зари, ашаан, уу-та, тэгнээ, тыртыг, унаха зари, сагаа унаа, ход, салбак, мёнгий, согунак, сагаани хашаан, тузак, баьсыткы* и многие другие.

В этом и состоит ментальное свойство любого естественного языка — иметь в своем составе большое количество специальных лексических единиц (организованных в сложную систему) для обозначения самобытных предметов, явлений, признаков и действий. Лексикон языка, организованный в сложный многоуровневый конгломерат, представляет собой не только (и не столько) словарь данного языка, но и концептуальное воплощение детализированной модели мира, существующее в коллективном языковом сознании этноса. И, конечно, чрезвычайно важно, что говорящий и слушающий (воспринимающий) находятся в одной системе (данного конкретного языка): подобно тому, как мать всегда угадывает шаги своего ребенка, слух и сознание воспринимающего моментально усваивают знакомые с момента рождения или даже раньше, уложенные внутри цепочки речевых квантов (даже если они варьируют).

11. Близость между языковыми образованиями, сохраняющими специфику в некоторых своих фрагментах, можно усматривать, в частности, и в значительной

степени сохранности элементов разговорной речи (в особенности дискурсивных). Очень ярко единство оформления этнообусловленных компонентов языка проявляется в междометиях. Можно сказать, носители того или иного малого языка «угукают» всегда по-своему. Поэтому, считаем, лингвистам, изучающим языки малочисленных народов, крайне важно масштабно и детально фиксировать эти уходящие (хотя и живучие) специфические явления.

12. Уточнено содержание термина 'идиома', который теперь необходимо широко вводить в оборот при описании небольших языковых образований в Сибири (и в других регионах мира). Анализ собранного материала позволяет подтвердить наше первоначальное предположение о наличии в регионе Южной Сибири (и примыкающей территории Западной Сибири) небольшого числа идиом: всем изучаемым в рамках проекта языковым образованиям присущи некие черты, в процессе обобщения которых мы и приходим к формированию понятия 'идиома'. Если кратко: идиома — язык малочисленной этнической группы, в разном отношении обособленный от языка, к которому он исторически относится; такое обособление приводит к формированию некоторых специфических языковых явлений, которые обычно скрыты (не лежат на поверхности); выявляется набор специфических явлений, свойственных именно этому языковому образованию (при этом появление искомым явлений вполне объяснимо); положение идиомы в большом, широком коммуникативном пространстве (в терминах социолингвистики) еще более критическое, чем у того языка, к которому она относится. Таким образом, теоретические допущения и первичный анализ указывают, что рассмотренные нами языковые образования дают необходимый материал для дальнейшей разработки понятия '(языковая) идиома'. Основной проблемой изучаемых языковых образований является отсутствие большого, значимого корпуса письменных текстов. Для многих языков малочисленных народов приходится констатировать и сужение функций. Как бы то ни было, данные языки (диалекты, говоры) развиваются, преподаются, являются предметом изучения.

13. Следует признать, что в последние десятилетия наблюдается процесс убыстрения языковой ассимиляции. В целом этнические процессы протекают неоднозначно и неопределенно: в одних областях национальная специфика сохраняется, в других получили развитие ассимиляционные тенденции.

Существенным фактором ассимиляции являются межэтнические браки, хотя этническая самоидентификация детей, рожденных в таких браках, во многом зависит от национальности супруга-лидера, а также от ряда конъюнктурных факторов (приоритетов национальной политики на определенной территории). Процесс ассимиляции может иметь как универсальный, так и частичный характер. В регионах Южной Сибири ассимиляцию не назовешь насильственной, напротив, в субъектах Российской Федерации власти делают все возможное, чтоб сохранить культуру и традиции коренного народа. В России ассимиляционные процессы носят в целом «мягкий» характер, хотя и являются избирательными относительно разных этнических групп.

14. Современное состояние языков малочисленных народов лингвисты оценивают оптимистично: при рассмотрении именно этих языков обнаруживаются все новые аспекты изучения живой звучащей речи. Использование родного языка в семье, образовательных учреждениях, во всем коммуникативном пространстве

характеризуется достаточной полнотой, активным использованием потенциальных ресурсов (особенно в части лексики и синтаксиса). Многие носители языка способны дать образцы яркой, выразительной, содержательной, целеустремленной речи. Именно при работе с такими носителями нами отработаны методики качественной фиксации образцов речи и этнографических обрядов и праздников, выработаны четкие и ясные принципы классификации (критерии качественной оценки) текстов-образцов (текстов, отвечающих требованиям живости, цельности, связности, выразительности, наделенных другими признаками). Уже имеющиеся печатные тексты оценены нами по признаку наличия/проявления заключенной в них информационной насыщенности и прагматики, выраженной языковыми средствами. Произведен лингвистический анализ имеющихся текстов (описаны в полном объеме средства фонетического, лексического, грамматического, стилистического уровней языка, выявляемые в них). Далее, мы учитываем и тот факт, что коллеги-исследователи находят новые возможности пополнения корпуса записей, что позволит в будущем создать печатный и/или электронный корпус наиболее значимых современных текстов общенародного (разговорного, эпистолярного, делового), художественного (фольклорного, литературного), научного, публицистического дискурса малых народов. Разумеется, наш проект был посвящён выполнению задач современного технологического оформления имеющегося фактического материала, создания продукта, доступного и исследователям, и широкому кругу пользователей. Надеемся, что эта всесторонняя работа позволит немного уменьшить скорость исчезновения языков малочисленных народов.

Литература

1. Бадмаева Л. Д., Цыренов Б. Д. Электронный корпус бурятского языка в образовательной и исследовательской практике. Улан-Удэ, 2019. 80 с. Текст: непосредственный.
2. Бурыйкин А. А., Шарина С. И. Словообразование имен числительных в тунгусо-маньчжурских языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7, № 3. С. 52–68. Текст: непосредственный.
3. Волков В. Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. № 1(1). С. 79–96. Текст: непосредственный.
4. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. 600 с. Текст: непосредственный.
5. Кибрик А. А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. 2020. № 1(1). С. 17–28. Текст: непосредственный.
6. Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. Москва: Наука, 1991. 240 с. Текст: непосредственный.
7. Кузнецова А. И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. 114 с. Текст: непосредственный.
8. Лаллукка Сеппо. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов: перевод с английского. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1997. 392 с. Текст: непосредственный.
9. Рассадин И. В. Особенности оленеводства у народов Саянской горной страны в прошлом и настоящем // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2018. Т. 17, № 3. С. 136–141. Текст: непосредственный.

А. Д. Каксин. Комплексное описание исчезающих языков как предпосылка для сохранения языкового разнообразия в Сибирском регионе

---

10. Уртегешев Н. С. Шорцы и шорский язык сегодня // *Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: материалы III Региональной научно-практической конференции с международным участием / под редакцией О. П. Доможаковой.* Новосибирск, 2019. С. 182–185. Текст: непосредственный.

11. Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // *Финно-угорский мир (Справочник по истории, культуре и языку) / редактор Дьёрдь Нановски.* Будапешт; Москва, 1996. С. 101–115. Текст: непосредственный.

12. Цыренов Б. Д. Лингвокогнитивный анализ прилагательных со значением положительной температуры в бурятском языке (в сравнении с русскими эквивалентами) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2019. Т. 12, № 10. С. 333–336. Текст: непосредственный.

13. Цыренов Б. Д. Отражение регионального окружения в бытовой лексике сойотского языка (к постановке вопроса) // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции.* Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2020. С. 98–99. Текст: непосредственный.

14. Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. 92 с. Текст: непосредственный.

15. Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики. Новосибирск: Наука, 1998. 128 с. Текст: непосредственный.

16. Чиспияков Э. Ф. Учебник шорского языка: пособие для преподавателей и студентов. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1992. 318 с. Текст: непосредственный.

17. Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages. Uppsala, 2001. 154 p.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 18.04.2022.

COMPREHENSIVE DESCRIPTION OF ENDANGERED LANGUAGES AS A PREREQUISITE FOR THE PRESERVATION OF LINGUISTIC DIVERSITY IN THE SIBERIAN REGION

Andrey D. Kaksin

Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher,
Katanov Khakass State University
90 Lenina St., Abakan 655017, Russia
adkaksin@yandex.ru

Abstract. The article discusses the prerequisites for preserving the linguistic diversity in Siberia. Along with the clear language policy, the focus of state bodies on solving language problems, supporting the process of training teachers, publishing dictionaries and teaching aids, we postulate the existence of such an important prerequisite as a comprehensive linguistic description of all language formations common in Siberia. We have considered the possibilities, some aspects and details of such a description on the example of the Koibal subdialect of the Khakass language, the Shor and Soyot languages. Among the priorities are the changes in the modern languages of the group under study and the reasons for their occurrence. We insist on the importance of preparing a list of languages and dialects of the Siberian region that are not described in sufficient detail in the scientific literature.

Keywords: development of languages, endangered languages, linguistic description, indigenous languages of Siberia, Turkic languages of Southern Siberia.

For citation

Kaksin A. D. Comprehensive Description of Endangered Languages as a Prerequisite for the Preservation of Linguistic Diversity in the Siberian Region. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2022; 2: 22–32 (In Russ.).

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 18.04.2022.